

АВИНО Асканты

Алексей Корепанов

Не по собственной прихоти отправился в путь за Снежные горы Гронгард Странник. На этом пути ждет его много неожиданностей и опасностей, но вольный боец не привык отступать. Однако этот его поход не только непредсказуем — он полон странностей, которые просто невозможно объяснить. Мир постоянно меняется, мир подобен сну. И постепенно из темноты неведения проступает подобие истины. Но истинна ли сама истина? ...

Алексей Корепанов

Вино Асканты

*«...Мой путь
пролегал вне их мира;
если мое существование
было рекой, то по
крайней мере один очень
крупный рукав ее
протекал за пределами
их мира».*

Франц Кафка

Часть первая. Всадник в чужих пространствах

1

Перед поворотом тропа еще больше сужалась, двум всадникам здесь было не разминуться. С одной стороны ее теснила бугристая каменная стена, заслонившая солнце. С другой подступал крутой склон холма, до самой вершины поросший колючим кустарником. Черные ветви с длинными шипами растопырились вдоль тропы, угрожая поранить коня и всадника. Пробираться здесь

можно было только прижимаясь к стене, покрытой лиловыми разводами мха, и отводя мечом шипастые ветви. Грон двигался вперед, обдирая плечом жестко шуршащий мох и подобрав полы плаща. Он уже почти миновал поворот, но вдруг натянул поводья. Рыжий конь послушно замер, потом мягко опустил копыто. Грон, вложив меч в ножны, нагнулся и снял с клейкого шипа обрывок коричневой ткани. Разгладил на ладони, сбросил в блеклую дорожную пыль со следами копыт.

— Вперед, Тинтан!

Его предположение подтвердилось. Теперь он знал, кто именно, опередив его, проехал по этой тропе.

Десятка озерных метателей. Десять коней, десять копий, десять топоров и не меньше полусотни кинжалов. А возможно, даже и не десятка, а десятка с пятеркой. Пятерка — ядро, неуклонно стремящееся к цели. Десятка — живая стена вокруг ядра: овальные щиты, копья на изготовку, да еще по несколько запасных. Трое впереди, трое сзади, и по двое справа и слева. Так принято у них, проклятых озерных метателей. И выходит, неспроста кружили они в окрестностях Искалора, подчеркнуто безразличные ко всему, с белыми лентами мира через плечо. Не ради очередных переговоров явились из долины Темных озер, не пение утренних дев привело их под башни

в канун самых теплых ночей. Озерные метатели. Они опередили его.

Один против десяти — не очень хорошее соотношение. А тем более — против пятнадцати. Нужно догнать метателей, окончательно выяснить силы противника и продумать дальнейшие действия.

Грон медленно продвигался по тропе под неутомимым солнцем. Солнце уже начало плавное незаметное скольжение вниз, к основанию изумрудно-прозрачного жаркого неба. Тропа наконец расширилась, превратилась в дорогу. Остались за спиной серые скалы и черный холм, и впереди, за обширной низиной, покрытой тихо шуршащей под ветром высокой травой, показался лес. На самом дне низины дорогу пересекал неширокий ручей с темной водой. Влажная полоса песка у ручья была изрыта конскими копытами. Крупные черные птицы, почти касаясь крыльями травы, метались зигзагами, то и дело с визгом проносясь перед конем. Тинтан встречал их недовольным фырканьем, косился на невозмутимого Грона.

У ручья Грон остановился, спрыгнул на песок. Огляделся, коротко приказал: «Наблюдай, Тинтан», — и начал раздеваться. Развязал узел на груди, снял синий плащ, перебросил его через седло. Расстегнул широкий кожаный пояс с тремя

кинжалами, уложил поверх плаща. Освободился от пропотевшей сорочки, достал свежую из расшитой разноцветным бисером большой дорожной сумы, притороченной к седлу. Стянул невысокие сапоги со шнуровкой. Подумал немного, и снял с головы синюю повязку, перехватывавшую его длинные темные волосы. Похлопал себя ладонью по груди и, обнаженный, склонился над ручьем, ощущая кожей размеренный невидимый бег теплого ветра, пропитанного запахом незнакомых цветов. Поглядел на свое отражение — возник в воде широкоплечий, высокий и крепкий боец с узким, чуть вытянутым бородатым лицом, — зачерпнул ладонями прохладную воду, смыл с лица дорожную пыль. Зашел в ручей и с наслаждением начал плескаться, распугав черных птиц, с криками умчавшихся за косогор. Завел в воду Тинтана и долго обливал его рыжие бока.

Потом, уже доехав до леса, Грон вытер мокрые волосы, вновь обхватил их лентой и подтянул повыше ножны с мечом.

— А теперь, Тинтан, слушай меня, — строго сказал он. — Сейчас мы с тобой пустимся в погоню вот по этим следам. Так что вперед, но не зевай, и я тоже постараюсь не зевать. Здесь могут быть любые неожиданности. Ты понял меня, Тинтан?

Конь коротко фыркнул, переступил с ноги на ногу, показывая, вероятно, что вполне согласен со

всем, сказанным Гроном.

— А если понял — поехали!

Грон хлопнул ладонью по шее коня, и Тинтан, словно только и ждал этого сигнала, сорвался с места. И полетел по лесной дороге, отбрасывая копытами песок, сухие серые листья и потрескавшиеся сморщенные шарики лиловых грибов.

* * *

Полоса неба над дорогой уже налилась сгустившейся зеленью. Придорожные цветы втянули мохнатые пестрые головки в свои зеленые домики, шестикрылые огненно-яркие большие бабочки попрятались под кору искривленных истуканов-деревьев. А Грон все мчался сквозь лес, надеясь до темноты догнать озерных метателей. Проносились мимо необхватные стволы и раскидистые кустарники, усыпанные неведомыми ягодами. Проплывали по сторонам тихие зеленые поляны, и то и дело колыхалась трава на полянах, и прорывалось сквозь конский топот громкое бульканье — наверное, это не поляны были, а бездонные болота, притаившиеся под видом полян. Дорога разматывалась бесконечным клубком, шарахалась из поворота в поворот, огибая завалы, овраги и болота. Дорога содрогалась от ударов

мощных конских ног, подставляя песчаную спину коню и всаднику с развевающимися темными волосами. Грон летел вперед, щурясь от потока теплого воздуха, бьющего в лицо, но замечал все вокруг и был готов отразить любой выпад дикого чужого леса.

И когда безмятежное небо только начало приоткрывать первые звездные глаза, Грон настиг тех, кто опередил его в броске в эти известные лишь молве края. Тинтан внезапно умерил прыть, словно устал от долгой скачки и перешел на шаг. А потом остановился и дважды тихо стукнул копытом. Грон замер, вглядываясь в подкравшийся полумрак и прислушиваясь. Вокруг было тихо, только вдаль, в сумрачных дебрях, монотонно стонал кто-то: то ли птица, то ли зверь.

— Ты их почуял, Тинтан? — тихо спросил он, наклонившись к шее коня.

Тинтан еще раз поднял и опустил копыто, и Грон благодарно погладил его по рыжей гриве.

— Да хранят тебя духи рассвета! А теперь потихоньку вперед, дружище, мне надо их увидеть.

Он слегка встряхнул поводьями, и конь медленно тронулся с места, неслышно, словно крадучись, переставляя копыта. Грон, приподнявшись на стремянах, напряженно смотрел вперед.

Почувствовав запах дыма и услышав голоса,

он мягко спрыгнул на землю и легким толчком кулака направил коня к кустам. А сам осторожно двинулся на звук голосов, держась поближе к краю дороги и почти слившись плащом с темными стволами.

Да, это были озерные метатели. Похоже, те самые, что совсем недавно полусонными группками разъезжали неподалеку от стен Искалора, изображая полнейшее равнодушие ко всему на свете. Они устроились на придорожной поляне, разожгли костры, варили в широкобоких котелках свою обычную горькую похлебку и, судя по всему, собирались здесь заночевать. Потому что их длинные плащи были расстелены на траве у ног стоящих кольцом коней, и кто-то уже лежал там, утомленный долгим переходом, а на дороге, опираясь на копыя, застыли часовые.

Грон протер глаза, заслезившиеся от едкого дыма, и попытался сосчитать озерных метателей. Потом прислонился к шершавому стволу и задумался.

Духи черных равнин послали ему не десятку, и даже не десятку с пятеркой озерных метателей. По меньшей мере двадцать выдавших виды воинов расположились на лесной поляне под проснувшимися звездами. Двадцать безжалостных грозных рубак, способных на все. Навсегда впечаталась в память Грона выжженная Энесса, и

чернее Черной Беды была расчетливая и жуткая резня в Илле после пророчества Варугда Исступленного...

Кто же отправил их в путь? Чья воля вывела их из долины Темных озер, с кем встречались они у стен Искалора и как узнали дорогу в эти чужие пространства?

Грон посмотрел на черное небо со слабыми звездами. Ночная Сестра еще не вошла, и можно было, обогнув лесом пост метателей, ускользнуть от них в темноте и скакать всю ночь до рассвета. Пусть попробуют его догнать!

Тинтан терпеливо ждал у кустов. Грон взял коня под уздцы и углубился в чащу, по широкой дуге обходя лагерь озерных метателей. Он пробирался вперед медленно и осторожно, разводя мечом шуршащие ветви, перед каждым шагом ощупывая носком сапога почву перед собой. Чем сильнее наваливалась на лес ночь, темнотой проливаясь с неба, тем больше шорохов, скрипов, стуков и чьих-то тяжелых вздохов доносилось со всех сторон. Ночной шум леса скрадывал звуки шагов Грона и Тинтана, но мог таить и угрозу. Кто знает, какая свирепая тварь вздыхает там, в черной глубине...

Зашуршало сбоку, слышалось чье-то прерывистое дыхание. Тинтан остановился, а Грон наугад выбросил перед собой руку с мечом,

резкими взмахами крестообразно прочертив темноту. Кто-то невидимый коротко рыкнул, захлопали тяжелые крылья, покатился прочь тревожный шелест — и все вокруг стихло на мгновение. А потом вновь зазвучали шорохи, скрипы и стуки.

Грон постоял, сжимая меч. Пробормотал: «Нет, так не годится!» Нашарил ближайший узловатый ствол и полез вверх, нащупывая ветки потолще. И увидел наконец отблески костров. Трепещущий свет наскакивал на темноту далеко позади, и можно было выбиратья на дорогу. Пусть часовые озерных метателей напрасно караулят хоть до следующего полудня!

* * *

Ночная Сестра бледным подобием солнца давно уже печалилась в небе, когда Грон выехал из леса. Дорога уходила вниз, к необъятным холмистым пространствам, что застыли под неярким светом, льющимя с высоты. Пространства казались спокойными и пустынными — и Грон облегченно вздохнул и расправил плечи, предвкушая отдых на рассвете. Вот только сделать еще один бросок. Сейчас он пришпорит Тинтана, умчится вглубь этих тихих пространств, подальше от леса, от озерных метателей — и тоже устроит

привал. Хоть короткий, но все-таки привал.

Он рванулся вперед — и вновь задрожала земля под ногами коня. Многократное эхо застучало, заметалось между холмами, уносясь к звездам. Устремился в лицо душистый поток ночного воздуха, настоящего на нетронутых травах.

И вдруг прокатился над холмами свирепый рев, словно разом проснулись семьсот семьдесят семь духов черных равнин, словно исторгли злобный вопль вырвавшиеся из пучины пожиратели звезд, когда-то низвергнутые с небес в древней битве с духами рассвета. Рев раздирал ночную тишину, и казалось, звезды содрогнулись в небе. Тинтан тревожно заржал, продолжая мчаться сквозь ночь.

Это ревел дракон на холме. Грон видел в свете Ночной Сестры его горбатый громоздкий силуэт с багровыми сверкающими глазами. Странник выхватил меч и направил Тинтана вверх по склону. Потому что дракон, вытянув когтистые лапы перед собой и продолжая реветь, теснил светловолосого всадника на белом коне, отчаянно размахивавшего обломком копья. Белый конь оступился, всадник едва удержался в седле — и огромная лапа чудовища накрыла его. Грон подлетел сбоку, с размаху рубанул мечом — раз, другой, третий... Дракон вздрогнул, захрапел, повернул остроухую

уродливую голову к новому противнику, разинул зубастую пасть — и Грон, вздыбив коня, изо всех сил ткнул мечом прямо в выпуклый багровый глаз.

И оглох от дикого вопля, сотрясшего небо, и унесся вместе с Тинтаном к груде камней на склоне. Там пытался встать на ноги белый скакун и неподвижно лежал ночной незнакомец.

Дракон выл и хрипел, содрогаясь огромным чешуйчатым телом, бил хвостом, поднимая пыль, и медленно заваливался на спину. Грон кружил рядом, крепко сжимая ногами бока коня и держа меч на изготовку. Он следил за каждым движением издыхающего порождения мрака.

Дернулась — и опустилась трехглазая голова, и иссяк фонтан, бивший из раны.

И на холмы вернулась тишина, осела пыль, и Ночная Сестра в вышине вновь смотрела на нижний мир отстраненно и печально. Грон быстро спешился, подбежал к незнакомцу, осторожно перевернул на спину. Незнакомец застонал, не открывая глаз. Кожа на его щеке была содрана, лицо и спутанные волосы потемнели от крови, так же как и разорванный лапой дракона плащ. Он был совсем молод, хотя и не уступал Грону ростом и шириной плеч. На его груди висел на тонкой цепочке изогнутый нож с белой костяной рукоятью.

Грон прислушался к прерывистому дыханию незнакомца и оглянулся. Туша дракона

громоздилась на склоне шагах в тридцати от камней. Она все еще придавливала холм своей тяжестью, но уже медленно опадала, словно проваливаясь внутрь себя, меня очертания. Скоро сквозь нее будут видны звезды, и дракон растворится, уйдет в тусклый неведомый мир, населенный только теньями, только отражениями, только воспоминаниями обо всех, когда-то существовавших под солнцем.

— Ко... готь... — едва разжимая губы, с трудом выдохнул незнакомец. — Нужно отрезать кусок... когтя...

Грон распрямылся. Положение не такое плохое, если юноша уже пришел в себя. Тогда все поправимо.

Он направился вверх по склону, нашаривая кинжал под плащом. Нужно было спешить, иначе коготь исчезнет вместе с драконом. А когда Грон вернулся, незнакомец уже полусидел, привалившись спиной к камню и постанывая от боли.

— Вот, — коротко сказал Грон и положил перед юношей обрубок черного драконьего когтя.

— Благодарю, — тихо выдохнул юноша. — Прости, мне трудно говорить...

— Ты потерял много крови. Еще немного потерпи, сейчас дела пойдут лучше. У меня есть одно хорошее снадобье, его нужно только немного

разогреть. Тинтан, иди ко мне!

Тинтан, стоявший неподалеку вместе с белым конем юноши, повернул голову к хозяину и подошел, поводя глазом в сторону тающего тела дракона. Грон порылся в сумке, извлек два туго перетянутых веревками мешочка — темный и светлый, — небольшую медную чашу с вычурными ручками в виде диковинных рыб и узкий сосуд с остроконечной крышкой, блеснувшей в свете Ночной Сестры. Отошел в сторонку и присел на корточки. Развязал веревки, высыпал на землю немного белого порошка из одного мешочка, добавил черного, похожего на толченый уголь, из другого, перемешал лезвием кинжала. Раздалось тихое шипение, что-то затрещало — и высыпанное из мешочков содержимое вдруг стало багровым, словно драконий глаз. Грон прикрыл рукой лицо, заслоняясь от жара. Откупорил сосуд, наклонил над чашей — потянулась из горлышка густая прозрачная масса. Осторожно поставил чашу на багровое горячее пятно.

Незнакомец настороженно следил за действиями Грона.

— Что... это?

Грон обернулся к нему и пояснил:

— Ориосская мазь. Не слыхал о такой?

— Нет.

— Лучшее средство от ран. Сейчас ты сам

почувствуешь. Я смажу твои раны, и тебя сразу потянет в сон. Ты уснешь, а утром будешь таким же, как до столкновения с этим чудовищем. Наберись терпения, скоро боль пройдет.

Когда незнакомец уснул после врачевания, Грон расседлал обоих коней. Потом залил водой из фляги горячее пятно из смеси чудесных порошков и немного постоял, задумчиво глядя на звезды. Он ни на мгновение не забывал о ночующих в лесу озерных метателей. Двинувшись дальше в путь, они, конечно, заметят следы копыт на дороге и, безусловно, постараются узнать, кто и с какой целью их обогнал. И куда спешит. Но бросить чуть не ставшего жертвой дракона неосторожного юношу было просто невозможно. Что ж, придется подождать до утра.

«Утро мудрее, чем вечер», — подумал Грон и усмехнулся. Кажется, он сочинил неплохое высказывание, достойное семи мудрецов Искалора!

Теперь, когда жизнь юноши была уже вне опасности, Грон решил подняться на холм. Туша дракона бесследно растаяла, чудовище погрузилось в мир теней. Когда Грон резал кинжалом коготь для незнакомца, то заметил, что из земли возле раздвоенного конца длинного драконьего хвоста словно бы истекает слабый дрожащий свет. Тогда не было времени любопытствовать, что же это за странный свет — нужно было спешить к

израненному юноше. Так почему не сделать это теперь?

На вершине холма было тихо и пусто, словно никогда не водились там драконы, не ревели, сотрясая небеса, не бросались на одиноких неопытных всадников. Хотя кто на кого напал, было пока неясно. Почему всадник свернул с дороги и оказался на холме? И зачем ему драконий коготь? Может быть, именно из-за этого когтя юноша так опрометчиво и напал на дракона?

Пусто было на вершине холма, но Грон прошел дальше, туда, где еще недавно метался по земле хвост чудовища. И увидел круглое углубление в половину человеческого роста. Странно гладкие, словно зеркальные склоны все еще слабо светились, но тускнели все больше и больше. На вогнутом дне, рядом с какими-то палками, похожими на обломки копий, и набитыми чем-то мешками, лежали, раскинув руки, два обезглавленных тела. Грон невольно стиснул кинжал и сдавленно выругался, помянув пожирателей звезд. Жертвы дракона? Он взгляделся получше и изумленно поднял брови. В яме лежали не трупы, а диковинная черная одежда с узкими длинными рукавами и штанинами. Будто стянули кожу с человека и бросили в яму.

Грон лег на землю у края ямы и поочередно вытащил палки, мешки и одежду. Склоны потухли,

словно кто-то задул спрятанные внутри, в их глубине, слабые свечи. Сидя на корточках, Грон перебирал и разглядывал то, что, вероятно, охранял дракон. И быстро все сообразил. Черная одежда была не простой одеждой. Удивительно легкая, скользкая на ощупь, она беспрепятственно растягивалась, но тут же принимала прежнюю форму, стоило только разжать пальцы. Странная гладкая ткань была словно бы изготовлена не на ткацком станке, а целиком отлита из какого-то неизвестного материала. Грон пытался порвать ее, разрезать кинжалом, проткнуть насквозь, однако она не поддавалась. Почти невесомая, но удивительно прочная защитная одежда, творение неведомых мастеров. Нет, не зря ее охранял дракон! Уж не небесные ли искусники, живущие на Ночной Сестре, изготовили ее и укрыли от чужих глаз в этих таинственных краях?

В обоих мешках оказались стрелы. Мешки тоже не походили на изделия ремесленников Искалора — они были тонкие, полупрозрачные, с широкой шероховатой лямкой, чтобы надежно держаться на плече. Стрелы оказались гибкими, с легким жестким оперением. Их острые наконечники, без сомнения, вполне могли насквозь проткнуть не только человека, но и коня. И стало ясно назначение двух гладких трубок с поперечной дугой и продольными прорезями. Трубки были

арбалетами необычной формы, их дуги удобно упирались в плечо.

Разобравшись в механизме арбалета, Грон выпустил стрелу в направлении Ночной Сестры. Стрела со свистом унеслась в неподвижный воздух. Он собрал боевое снаряжение и отправился обратно.

Кони мирно щипали траву. Незнакомый юноша спал, закутавшись в разорванный плащ. Теперь, пока действует ориосская мазь, ничто не сможет разбудить его. Даже рев сотни драконов.

Грон сел на камень напротив юноши, разложил на дорожной скатерти копченое мясо, хлеб, пахучий сыр. Порезал все на куски и принялся за ужин. Один за другим накалывал куски на острие кинжала, медленно жевал и запивал еду душистым цветочным вином. Вот теперь наконец удастся немного поспать. А потом нужно следить, не появятся ли внезапно озерные метатели. Ориосская мазь залечит раны юноши не раньше, чем встанет солнце, и лишь тогда можно будет двигаться дальше. Оставалось рассчитывать на то, что метатели тоже тронутся в путь только утром, после долгого плотного завтрака. И он все-таки намного оторвался от них. А поговорить с незнакомцем придется только в дороге. Если, конечно, юноша не последует дальше своим путем.

— Тинтан, прислушивайся одним ухом, —

сказал Грон, заталкивая скатерть в суму. — Спускайся вниз, там сочная трава, а я чуть-чуть вздремну.

Он проводил взглядом послушно направившегося в долину коня, вытянулся на земле возле боевого снаряжения, добытого в драконьей яме, и закрыл глаза.

Тихо и спокойно было на бескрайних холмистых пространствах, но Ночная Сестра, застывшая в звездном небе, казалась щитом озерного метателя.

2

Что-то прохладное и мокрое коснулось лба, потекло по лицу. Грон мгновенно проснулся, заслонился ладонью, досадуя на утренний дождь, — размочит дорогу и замедлит продвижение к цели. Но это был не дождь. Над ним, переминаясь с ноги на ногу, стоял Тинтан. С мокрой рыжей гривы часто-часто скользили вниз прозрачные крупные капли.

Грон пружинисто поднялся, распахнул плащ, вдохнул утренний воздух. Легкие волны незнакомого душистого запаха набегали от зарослей зеленых растений с длинными гладкими стеблями, увенчанными золотистыми пушистыми шарами. Золотистая линия огибала небольшое

озеро с неподвижной голубоватой водой. Почти непрерывно то тут, то там сразу по два-три шара отрывались от стеблей, взмывали в воздух, парили над озером и неслышно погружались в воду, словно падал с безоблачного неба золотой дождь. С трех сторон озеро подковой обступал редкий лесок. Нежаркое еще утреннее солнце просвечивало его насквозь. Вдоль просторной поляны, посреди которой стоял, осматриваясь, Грон, струилась дорога, втекающая под тонкие деревья с желтой листвой. Путь, проложенный Тинтаном к водопою, указывали смятые у берега златоглавые растения. Белый конь незнакомца пасся на поляне в двух десятках шагов от Грона. Его длинная грива тоже была мокрой. Юноша спокойно спал в высокой траве, подложив ладони под щеку. Раны на лице исчезли бесследно, и только на спутанных светлых волосах засохла вчерашняя кровь.

Грон одобрительно хмыкнул — что за чудо эта ориосская мазь! — и подошел к нему. Наклонился, дотронулся до плеча. Надо было спешить, потому что озерные метатели уже, возможно, пустились в погоню. Юноша открыл глаза, зеленые, как трава. Сел, потрянул головой, прогоняя сон.

— Приветствую тебя, истребитель драконов, — улыбаясь, сказал Грон. — Ну как, подействовала ориосская мазь?

Юноша повел плечами, встал. Недоверчиво и осторожно ощупал себя, провел ладонью по лицу и с восхищением посмотрел на довольного Грона:

— Я твой должник. Если только будет такая возможность, я...

Грон прервал его взмахом руки:

— Надо спешить. Нас могут догнать озерные метатели. Я Гронгард, сын Гронгарда Странника, вольный боец Искалора. Сейчас мы освежимся, — Грон кивком указал на спокойное озеро, — подкрепимся, и в путь. Если нам по пути. Те вещи, ради которых ты напал на дракона, лежат возле моего коня. Не будем задерживаться.

С каждым произнесенным Гроном словом лицо юноши выражало все большее изумление.

— Послушай, Гронгард, сын Гронгарда Странника...

— Грон, — перебил его вольный боец. — Просто Грон.

— Послушай, Грон, я напал на дракона только ради вот этого. — Юноша вытащил из-под плаща обрезок черного драконьего когтя. — Ты помог мне сдержать клятву. Я не знаю, что за вещи лежат рядом с твоим конем. Я никогда не слышал об Искалоре. Что такое Искалор? И кто такие озерные метатели, почему от них нужно убегать? Можешь рассчитывать на меня, мой Топотун оступается не в каждом бою. А я не оступаюсь никогда!

Юноша раздвинул сапогом траву, поднял свое сломанное копьё, покачал головой и отбросил его. Но тут же махнул рукой в сторону прозрачного леса и воскликнул:

— Вальнур Рай готов сражаться и простой дубиной!

Грон озадаченно потер лоб. Из каких же краев занесло сюда незнакомца, если он ничего не слышал о многолюдном Искалоре — пересечении всех торговых путей, если никогда не встречался с озерными метателями, которых знают от Сонного моря до ущелья Пожирателей звезд? Но раздумывать было некогда.

— Хорошо, Вальнур Рай. Пойдем, освежимся, потом я покажу тебе то, что охранял дракон, а побеседуем мы в пути.

— Согласен. Можешь рассчитывать на меня. Отныне твой путь — это и мой путь.

— Не спеши так говорить, не зная моего пути. Пока скажи только одно: известно ли тебе о напитке, который называют вином Асканты?

— Вином Асканты?

— Да. Ас-кан-ты.

Юноша смущенно пожал плечами:

— По-моему, я знаю слишком мало... Хотя всегда думал как раз противоположное.

— Хорошо. — Грон, расстегивая пояс, решительно двинулся к воде. — Я постараюсь

умножить твои знания.

Они разделись и вошли в озеро по дорожке, проложенной Тинтаном. Юноша оттирал с боков запекшуюся кровавую корку, Грон, поеживаясь, лил на плечи холодную воду, оценивая поспрашивая на крепкую спину и мускулистые руки Вальнура. Такой попутчик был бы очень кстати.

Вольный боец вышел из воды первым, сделал несколько боевых выпадов, чтобы согреться. Он чувствовал себя свежим и отдохнувшим, и был готов продолжать путь.

— Подожди, не одевайся, — остановил он Вальнура, который направлялся к своей одежде, приглаживая ладонями мокрые волосы. — Взгляни на дары дракона.

Грон поднял с земли черную защитную одежду и, растянув ворот, облачился в нее. Диковинная ткань, не сдавливая, плотно облегла тело, и совершенно не мешала движениям. Через несколько мгновений Грон ощущал ее уже не более, чем собственную кожу. Юноша с любопытством наблюдал за преображением вольного бойца — одежда оставляла открытыми только ступни, ладони и голову, — и невольно вскрикнул, когда тот, схватив кинжал, резко ударил себя в живот. Кинжал наткнулся на преграду и скользнул в сторону, не оставив на ткани никакого следа.

— О ясноглазая Оль! — оторопело пробормотал Вальнур, внимательно рассматривая место удара в поисках хоть малейшей царапины. — Какое-то колдовство?

Грон пожал плечами:

— Колдовство или нет, не знаю, но нам такие доспехи, думаю, не помешают. А теперь оцени арбалеты.

Они сделали несколько пробных выстрелов по отдаленному леску — их стрелы дружно впивались в деревья одна рядом с другой, расщепляя тонкие стволы, — оделись и подкрепились припасами из дорожной сумы Грона. Выяснилось, что от мешка с провизией, привязанного к седлу Топотуна, остались только обрывки веревок. Вероятно, мешок угодил в пасть дракону.

Солнце уже начало свое медленное восхождение над деревьями, когда они, облаченные в непробиваемые доспехи и вооруженные невиданными арбалетами, верхом направились к прозрачному лесу.

— Разомнем коней, — предложил Грон. — Скачем наперегонки всю вторую четверть утра, а потом поговорим. Посмотрим, на что способен твой Топотун.

— Посмотрим! — азартно воскликнул Вальнур и закинул на плечо полу истерзанного драконом зеленого плаща. — Больше он ни за что

не оступится, клянусь ясноглазой Оль!

Кони бодро пролетели сквозь лесок и вырвались на поросшую пестрыми цветами равнину. Равнина полого поднималась к краю бледно-розового неба. На горизонте темнело что-то зыбкое, бесформенное, то ли еще один лес, то ли холмы. Грон мчался, пригибаясь к шее коня, плащ развевался за его спиной, готовый сорваться с плеч наездника и улететь на просторы солнечной равнины. Оборачиваясь, он видел, что Вальнур несется следом в облаке пыли, летящей из-под копыт разогнавшегося Тинтана. Топотун держался молодцом, изо всех сил стараясь не отстать. Но все-таки отстал, несмотря на отчаянные понукания Вальнура, и Грону пришлось поджидать зеленоглазого юношу, остановившись посреди равнины. Там дорога вдруг меняла облик, превращаясь в аккуратно подогнанные одна к другой широкие мраморные белые плиты. Осмотревшись, Грон обнаружил, что от самой ближней плиты убегает направо и налево вдаль, сквозь равнину, неглубокий ров, поросший травой и цветами.

Пропыленный Вальнур, подскакав, с уважением похлопал Тинтана по горячему боку.

— Где ты взял такого коня? Мой Топотун трижды был лучшим на играх в Лидане, да и я не самый плохой наездник Зеленого побережья, но

мне не угнаться за тобой.

— Да, Тинтан неплох, — с гордостью согласился Грон, потрепав коня между ушами. — Мы с ним неразлучны с давних пор, и только я знаю, на что он способен. Но и твой Топотун не подвел. Теперь можно сделать передышку.

— Начинаются чьи-то владения? — спросил Вальнур, когда они бок о бок въехали на мраморные плиты. — Похоже, здесь проходит какая-то граница.

— Может быть, — ответил Грон. — Но дорога здесь одна, и двигаться нужно только вперед. Сзади озерные метатели.

— Я с тобой, Гронгард, сын Гронгарда Странника! Если хочешь, я расскажу о себе, а потом готов выслушать тебя.

— Говори, Вальнур Рай.

— Я сын судовладельца из порта Тезаро на Зеленом побережье. Наверное, никогда не попал бы сюда, если бы не ясноглазая Оль, дочь второго советника округа Альганы. — Юноша вздохнул и Грон понимающе кивнул. — Она доводит меня до отчаяния своими прихотями! Чтобы добиться свидания наедине, вечером, в саду советника, я должен был победить на играх в Лидане. Ради второго такого свидания я добыл для советника целых четыре зерна карлуззы, а поверь, желающих было предостаточно. Потом искал на дне за

Печальными островами сосуды с древними зельями — там, по преданию, когда-то затонул в шторм караван кораблей из Вечерних земель. Потом спускался в пещеру Поющих цветов — и, конечно, ничего там не нашел. И самое главное, Гронгард, — Вальнур опять вздохнул. — Самое главное... Умом-то я прекрасно понимаю, что все это пустые прихоти, что ясноглазая Оль просто смеется надо мной, и совсем я ей не нужен... Но ничего не могу поделать со своим сердцем. И если скажет она: «Взберись на ночное небо и достань для меня Серебристую», — я разыщу железную птицу Ирру — говорят, водится такая за Вечерними землями, — и сниму Серебристую с неба, пусть даже черными станут наши ночи!

Грон с сочувствием молчал, слушая Вальнура, и неумолимо подавлял воспоминания. Но не забывал время от времени оглядываться. Кони, то и дело игриво подталкивая друг друга головами, с сочным перестуком трусили по пыльным мраморным плитам, прямой линией уходившим к далекому туманному горизонту. Небо постепенно затягивала кисея розовых облаков, солнце тускнело, и порывы ветра раскачивали цветы и траву.

«Как обширен мир, — думал Грон, поглядывая на притихшего светловолосого юношу с загорелым лицом. — Как много, оказывается, других земель, где я никогда не бывал, — а где я

только не успел уже побывать! — и какие разные названия дают люди одному и тому же. У нас Ночная Сестра, у них — Серебристая... У них железная птица Ирра, а у нас — предание о железном летающем звере, что четыреста тысяч рассветов назад принес первых людей, основавших Искалор. Где правда, где выдумка? Где находится Зеленое побережье Вальнура Рая? О таком побережье я что-то не слышал в Искалоре...»

— А зачем, если не секрет, дочери советника понадобился коготь дракона? — спросил он, выводя юношу из задумчивости. — Может быть, ей подошел бы живой дракон?

Вальнур укоризненно взглянул на вольного бойца:

— Конечно, ты можешь смеяться, Гронгард, сын Гронгарда Странника, а мне вот не до смеха. Я вовсе не истребитель драконов, я вообще не люблю убивать. Если бы можно было добыть этот коготь как-то по-другому... Я ведь подобрался к нему, когда он спал, и хотел мгновенно отрезать коготь. На худой конец, отрубить лапу... Она ведь потом, говорят, отрастает вновь. Но у него оказался очень чуткий слух...

— Или тонкий нюх. Так что для нее в этом когте?

Вальнур вынул тускло блестящий обрезок, бережно провел по нему пальцем.

— Если верить одной из ушедших в храм Отчуждения, нужно растереть его в порошок, смешать с разведенным в молоке белой кобылицы настоем из листьев змеинового дерева и выпить ровно в полдень накануне той ночи, когда Серебристая закроет Мигающую звезду Цет. И, конечно, правильно произнести заклинание.

Грон не удержался от недоверчивой усмешки. Подобные рецепты не раз предлагались на больших торгах в Искалоре, только избранным, разумеется, и стоили совсем недешево. Однако не приходилось еще ему слышать, что они помогли хоть кому-то продлить молодость или излечиться от непонятной и страшной болезни элейки-мия.

— И выпивший эту смесь обретет бессмертие?

Наверное, в вопросе Грона все-таки прозвучала ирония, потому что Вальнур опять укоризненно посмотрел на него и спрятал коготь под плащ.

— О бессмертии не знаю, но, по словам ушедшей в храм Отчуждения, девушка, выпившая эту смесь, потом... после замужества... сможет родить необыкновенного сына. Я и сам не очень в это верю, но верит моя ясноглазая Оль. Я дал клятву добыть коготь. А потом мне еще нужно будет отыскать змеиное дерево...

— О! — Грон с сочувствием посмотрел на

юношу. А потом осторожно спросил: — А тебе не кажется, что у ясноглазой Оль очень много желаний?

Вальнур гордо выпрямился в седле, ответил с достоинством:

— Пусть у нее будет хоть тысяча желаний, Вальнур Рай исполнит все! Даже если он ей совсем не нужен...

Вольный боец с уважением посмотрел на своего спутника. Юноша нравился ему все больше, и Грон готов был отправиться с ним на поиски змеиноного дерева. Но сначала нужно дойти до цели.

— А как ты разыскал дракона, Вальнур?

— Очень просто. Все те же нашептывания в храме Отчуждения. Нужно было только не побояться пересечь кладбище уродов, а потом... Впрочем, это долгий разговор, Грон. Главное — благодаря тебе я добыл коготь. И готов быть с тобой до конца твоего пути, несмотря ни на какие твои условия. И по возможности сделать для тебя то же, что ты сделал для меня. Но куда ты направляешься и кто такие эти озерные метатели? И почему ты спрашивал о каком-то вине?

— Моя история отличается от твоей, — начал Грон. — Мною движет не желание понравиться женщине, не приказ и не жажда обогащения. Я вольный боец, и действую так, как сам считаю нужным. Мы, Гронгарды, всегда были вольными

бойцами и ни от кого не зависели. Да, мы брали и берем плату — и довольно высокую плату, — но только за выполнение тех поручений, которые нам по душе. Это мое путешествие — особое. Не ради денег, почестей или славы. Это не моя тайна, Вальнур, поэтому сказать я могу очень немного. Не обижайся.

— Я уважаю чужие тайны и никогда не стремился их узнать. Скажи только то, что считаешь нужным сказать.

— Искалор — огромный город, я там родился и жил, но никогда не знал и тысячной части его жителей. Но меня знали многие... — Грон замолчал, задумчиво поправил ленту на голове. — Нет, не то. Единственное, что я могу сказать вполне определенно: я направляюсь за вином Асканты.

— Что такое Асканта?

— Можешь верить мне, можешь не верить, но есть человек... люди, у которых хранятся... — Вольный боец без всякой нужды хлестнул поводьями коня, досадуя на собственные запинки. — Это не предания, это действительно было так. Мне показывали... Асканта — имя женщины, когда-то спустившейся со звезд. Тогда еще не существовало Искалора... Но она... они... оставили...

Вальнур дотронулся до плеча вольного бойца:

— Не надо, Грон, мне не нужны чужие тайны.

Ты едешь за вином Асканты, я еду с тобой и постараюсь помочь, если понадобится моя помощь.

— Благодарю тебя и принимаю помощь. Я отправился в одиночку, потому что привык путешествовать один, и никто ведь ничего не знал... А теперь я никак не могу ответить на вопрос: откуда об этой дороге проведали озерные метатели?

— Они очень опасны?

— Озерные метатели — это воплощение зла, — мрачно ответил Грон. — Если бы ты видел, что они устроили в Энесе... Вино Асканты — не простой напиток, не цветочное вино, и не сок бауры. Тот, кто выпьет его, станет счастливым. Это не пустые рассказы на больших торгах, поверь на слово. Но счастье-то для каждого свое. Что такое счастье для озерных метателей? Награбить вволю, порадоваться пожарам, надругаться над женщинами... А ведь есть еще пещерные хохотуны, есть кровавые кинжальщики, их много... Молва уже потекла, хотя не представляю, какие силы могли вырвать признание, откуда хоть что-то стало известно? Вино Асканты нужно обязательно найти и спрятать в надежном месте до лучших времен. Если они настанут...

— Смотри, Грон! — воскликнул Вальнур, показывая на равнину.

Казалось, большое розовое облако упало с

неба и, гонимое ветром, беззвучно понеслось над травой к дороге, наперерез всадникам. Оно на глазах наливалось тяжелым багровым цветом, разбухало, выбрасывало в стороны похожие на щупальца клубящиеся отростки. Грон и Вальнур еще не успели остановить коней, а облако, которое и не облаком уже было, а гигантским подрагивающим шаром, уже докатилось до мраморных плит, перевалило через дорогу, растеклось, а потом взметнулось к розовой пелене облаков, заполнив все пространство перед всадниками. Тинтан чуть попятился, но тут же остановился, а Топотун рванулся было в сторону, однако Вальнур уверенной рукой вернул его на плиты.

— Спокойно, Вальнур! — громко сказал Грон и взялся за рукоять меча.

— Я спокоен, — отозвался юноша, напряженно вглядываясь в багровую колышущуюся стену.

В полной тишине стена сверху донизу распалась на две части, обнажив мраморные плиты, а по бокам обернулась двумя багровыми наклонными поверхностями. На них копошилось множество длинных червеобразных сизых тел с короткими когтистыми лапами. Сотни зубастых голов с белыми глазами шевелились, тянулись к всадникам, лоснящиеся тела скользили вниз, к

дороге, пытаюсь преградить путь.

— Вперед! — не мешкая, скомандовал Грон и пришпорил Тинтана. — Надо проскочить!

Они ринулись вперед, давя копытами коней зубастые головы. Вихрем промчались по узкому проходу, переполненному отвратительным хрустом и шипением, оставили позади багрово-сизый кошмар и, не оглядываясь, поскакали дальше.

Кони взлетели на покрытый густой растительностью крутобокий холм, внезапно выросший на пути, и перешли на шаг, подчиняясь воле седоков. Мраморные плиты оборвались так же внезапно, как и начались, и дорога превратилась в едва заметную тропинку. Багровое видение исчезло, пропали зубастые белоглазые твари, и вновь, как ни в чем не бывало, позади всадников качались под ветром цветы на безлюдной равнине.

— Что это было, Грон?

Вольный боец, порывшись в суме, извлек флягу с цветочным вином, протянул юноше.

— Не знаю. По-моему, какие-то неизвестные силы пытаются нас запугать. — Он принял флягу от Вальнура, сделал несколько глотков. — Я здесь тоже впервые. Меня предупреждали кое о чем, кое-что рассказывали, но... — Он вдруг замолчал, повернулся к юноше. — Не думаю, что у меня зашумело в ушах от вина. Ты ничего не слышишь?

Вальнур насторожился, придвинул к себе

арбалет.

— Какой-то шум впереди...

— Еще что-то неожиданное? — Вольный боец вынул меч из ножен. — Тинтан, не спеши...

Кустарник расступился. Тропинка нырнула вниз, исчезая среди нагромождения угловатых белых камней высотой в половину человеческого роста, разбросанных каким-то здешним великаном на краю ущелья. Дальняя отвесная стена ущелья была исполосована глубокими зигзагообразными трещинами. На дне спотыкался и подскакивал на камнях, подобных драконьим когтям, быстрый поток, шумел, вскипал мутно-желтой пеной. Над клокочущей водой повис в пустоте неширокий деревянный мост без перил. На другой стороне ущелья тоже белела на склоне беспорядочная россыпь глыб, а за ней вздымалась одинокая скала. Солнце огненным глазом неведомого чудовища застыло над ее голой иззубренной вершиной.

Грон спешился, взял под уздцы коня и первым ступил на дощатый настил.

— Пойдешь, когда я буду на той стороне, — крикнул он Вальнуру сквозь рокот бешено несущейся воды.

Шаг за шагом Грон медленно продвигался по мосту. Тинтан напряженно ступал за хозяином, вытянув шею и раздувая ноздри. Вальнур, закусив губу, наблюдал за переправой. Благополучно

добравшись до противоположной стороны ущелья, Грон махнул рукой юноше. И Вальнур, не слезая с коня, довольно уверенно преодолел мост, спокойно глядя на беснующийся пенный поток.

— Сдается мне, ты проделываешь такие прогулки каждое утро, — одобрительно заметил Грон, когда юноша остановился рядом.

— За кладбищем уродов было нечто подобное, — рассеянно произнес Вальнур.

Он обернулся, всматриваясь в только что покинутые ими заросли на другой стороне ущелья. Потом соскочил с коня, подошел к обрыву и присел на корточки у моста.

— Что ты там ищешь? — поинтересовался Грон, копаясь в суме. — Еще одного дракона?

Юноша молча похлопал рукой по бревну, на которое были набиты доски, и вернулся к вольному бойцу.

— Ну и что ты там увидел, Вальнур?

— Не пора ли нам прекратить удирать от твоих озерных метателей? — вопросом на вопрос ответил юноша. — Зачем у нас арбалеты, зачем эти стрелы, эти чудесные кольчуги? Посмотри, какая великолепная позиция! Они же будут у нас как на ладони.

— Ты так считаешь? — Грон быстро осмотрел высокие глыбы вокруг, перевел взгляд на пустое пространство перед мостом на другой стороне. —

Но всех их уложить мы просто не успеем. Они доберутся до нас.

— Надо обрушить мост! — воскликнул Вальнур. — Перестреляем, сколько получится. В любом случае, их останется меньше, чем было.

Грон еще раз оценивающе окинул взглядом пространство на другой стороне, мост, массивные каменные глыбы. Медленно потер лоб ладонью и сказал после некоторого раздумья:

— Что ж, стоит попробовать. Тогда так: рубим опорные бревна и занимаем позицию вон за теми двумя камнями. Когда появятся озерные метатели, стреляем — и остаемся на месте. Ни в коем случае не высывайся! Копья озерных метателей — это копия настоящих метателей. Поверь, не раз приходилось видеть. Отведи коней за перевал, а я приступлю к делу.

Юноша повел коней вверх по склону. Грон с одобрением посмотрел ему вслед. Действительно, они ничем не рисковали. Открыть стрельбу, пока метатели ничего не сообразили... А потом метателям придется терять время на поиски переправы. Если она есть. Вот только как потом ему, Гронгарду, возвращаться в Искалор? Строить новый мост?

Грон, упрямо наклонив голову, решительно двинулся к мосту. Что бы там ни случилось, путь назад он тоже должен пройти и пройдет. Иначе он

не вольный боец и не сын Гронгарда Странника!

Никакое, даже самое крепкое дерево, не могло устоять перед его мечом. Вальнур еще не вернулся, а Грон уже перерубил оба опорных бревна. Они под тяжестью собственного веса подались вниз вместе с настилом — и мост рухнул в бурлящий поток, на торчащие камни. Течение потащило вдаль обломки бревен и размочаленные доски. Подбежавшему Вальнуру оставалось только провожать их глазами.

Затем они зарядили арбалеты и расположились за камнями.

— Ну что ж, теперь подождем, — сказал Грон. — Откровенно говоря, я о такой засаде даже не подумал.

Юноша смущенно опустил глаза, но потом не удержался от горделивой улыбки:

— У нас на Зеленом побережье говорят: что упустит один, подметит другой. Когда ясноглазая Оль велела мне не возвращаться без зерен карлуззы, я готов был от отчаяния броситься в море. Но потом прошла ночь и настало утро, и я решил пойти за советом к Туманной Кафилле, хотя вечером и думать себе об этом запрещал. Ведь это же не кто-нибудь — Туманная Кафилла! И представляешь, она помогла... Главное — правильно ее понять.

— Утро мудрее, чем вечер, — задумчиво пробормотал Грон. — А впрочем, еще неизвестно,

хорошо ли, что мы обнаружим себя. Метателей слишком много, справиться с ними трудно, а если они поймут... Ладно! — он взмахнул рукой, словно разрубил невидимый канат. — Может быть, ты прав, и нам в самом деле пора испытать арбалеты.

Они уже начали уставать от бездействия, когда из кустарника за ущельем выскочили первые озерные метатели. Увидели, что переправы через ущелье нет, и замедлили шаг, подчиняясь взмаху руки рослого командира на сером коне. Они вот-вот могли повернуть назад, и Грон, прицеливаясь, быстро сказал:

— Я — в командира и крайнего правого от меня, ты — в двух левых.

Сразу после этих слов две стрелы, вырвавшись из арбалетов, рассекли прозрачный воздух — и два преследователя, взмахнув руками, упали с коней. Кровь брызнула на белые камни. Озерные метатели еще не успели понять, откуда исходит угроза, как вновь две стрелы метнулись над ущельем, помчавшись к цели. Стрела Грона сделала свое дело — третий воин схватился за пробитое горло и рухнул на острую верхушку камня. Вальнуру повезло меньше — его стрела вонзилась в край щита успевшего повернуться боком метателя и застряла там, не причинив вреда всаднику.

Большого ни Грон, ни Вальнур сделать не

смогли, потому что озерные метатели, прикрываясь щитами, бросились назад и исчезли в кустарнике. И только три неподвижных фигуры в коричневых плащах остались лежать на песке.

— Конец. — Грон поднялся, стряхнул песок с плаща. — Они поехали искать переправу. Теперь мы оторвемся от них.

— Даже убитых не подобрали, — с презрением сказал Вальнур.

...Весь остаток дня они ехали по унылой плоской равнине, где даже птицы не летали, и в серых островках низких колючих растений не замечалось никакого движения. Дорога упорно ползла вперед, уходящее солнце светило в спины всадникам, и длинные тени Грона и Вальнура, покачиваясь, плыли перед конями.

Небо тускнело, меркло, и Грон, осмотревшись, недовольно сказал:

— Придется устраивать ночлег прямо здесь, хотя местность и не весьма привлекательная. Спать будем по очереди.

— Вот и прекрасно! — оживился юноша. — Только сначала я расскажу тебе немного о моем Зеленом побережье.

— С удовольствием послушаю — я ведь о нем ничего не знаю.

— А потом ты мне расскажешь про свой город.

Грон поднял брови:

— А спать когда?

— Спать и в седле можно! — беспечно махнул рукой юноша.

«Сколько раз мне так и приходилось делать...» — подумал вольный боец.

3

Утро было тихим и безмятежным, в прозрачном небе вились тонкие розовые волокна облаков. Грон неслышно поднялся с расстеленного плаща. Вальнур сидел спиной к нему на большом растрескавшемся пне и то ли дремал, то ли глядел на дорогу. Ночью Грону по жребию выпало сторожить первым, и он разбудил Вальнура, когда Ночная Сестра настигла Острие Небесного Копья — яркую желтую звезду. И улегся спать, доверив юноше наблюдение за дорогой.

Солнце вставало над синеватой полосой далекого леса, в низинах застыл туман. Кони паслись у дороги, неспешно передвигаясь по траве с места на место. На склоне росли высокие деревья с гладкой белой корой. Их шарообразные кроны зелеными облаками парили высоко над землей. Слева от вольного бойца тянулся неглубокий овраг, справа была пустошь с редкими почерневшими пнями. Дорога, пересекая пустошь, уходила в гору

и терялась за деревьями.

Грон, нахмурившись, рассматривал окружающее, словно сомневаясь в чем-то. Потом остановил взгляд на неподвижно сидящем юноше. Вытащил кинжал и, резко размахнувшись, метнул в широкую спину Вальнура. Рассчитав все-таки, чтобы удар пришелся не лезвием, а рукояткой — вдруг Вальнур снял кольчугу? Кинжал ударил юношу под левую лопатку и отскочил. Вальнур, не оборачиваясь, стремительно прыгнул в сторону, переворачиваясь в полете, огромной зеленой птицей пронесся над травой — с шумом хлопали, развеваясь в воздухе, полы плаща — и откатился вниз по склону, выискивая глазами противника. Увидев спокойного Грона и сразу все сообразив, юноша встал. И, улыбаясь, приблизился к вольному бойцу.

— Проверяешь, хороший ли я сторож?

— Да вот, показалось мне, что ты задремал на посту, — усмехнувшись, ответил Грон, подошел к пню и поднял свой кинжал.

— Я просто задумался, — с легкой грустью сказал Вальнур и вздохнул. — Как ни пробуй осадить сердце, ничего не получается, хотя...

— Ну-ну, не печалься, — помрачнев, прервал его Грон. — Если проводить дни в печали, не успеешь ничего сделать в жизни... Послушай, тебе ничего здесь не кажется странным? — резко сменил

он тему разговора.

Вальнур непонимающе взглянул на него, медленно осмотрелся и удивленно спросил:

— А что здесь странного? Все обычно.

— Обычно... Сдается мне, ночевать мы собрались посреди равнины, на каких-то колючках. А где теперь эти колючки?

— Колючки? — недоуменно проговорил Вальнур, разглядывая бледно-зеленые широкие стебли травы. — Н-ну да, были колючки, а теперь трава... Ну и что?

— Была равнина — и пропала. А появился вон тот лес, и эти деревья, и овраг. Ты заметил, как все это появилось?

— Н-нет. Я ничего такого не замечал. Но не все ли равно? Так ведь, наверное, и должно быть. Что в этом удивительного?

— А почему так должно быть? — хмуро осведомился Грон. — Почему мы прошлой ночью уснули на драконьем холме, а проснулись не на холме, а у озера? Почему трава вместо колючек?... И небо другое! Тут же совсем не такое небо! Видишь, оно поменяло цвет! Почему? Как я раньше не замечал?...

— Клянусь ясноглазой Оль, я не понимаю тебя, Грон! Ну что в этом такого? Так и должно быть, не нам судить о подобных вещах.

— А я вот хочу понять, — упрямо сказал

вольный боец и привычным жестом рассек ладонью воздух. — Ладно, седлаем коней. Вино Асканты нам сюда никто не принесет. И наверное, мы все-таки допустили ошибку. Нужно было позволить метателю перебраться на нашу сторону, а уж потом рушить мост.

— А зачем он нам?

Грон медленно направился к пасущимся коням, покусывая сорванную травинку. Вальнур пошел следом.

— Думаю, я заставил бы его сказать, откуда они узнали о вине Асканты и кто их послал.

— Не огорчайся, Грон, — беззаботно произнес юноша. — Устроим еще одну ловушку и узнаем ответ.

Вольный боец с иронией посмотрел на него:

— Полагаешь, это так просто?

Юноша рассмеялся:

— У нас говорят: что упустит один...

— А я слышал от отца такие слова, — перебил его Грон. — Хорошо ехать на коне, но сначала нужно найти коня.

* * *

Утро давно уже превратилось в день, и солнце полыхающим факелом раскаляло небеса, но из-за горизонта вдруг напоззли на выцветшую голубизну

черные громады туч. Ветер шелестящими шагами заметался, зашумел над дорогой, вздымая белесую пыль, растрепав гривы коней. Оранжево-коричневыми бабочками запорхали, срываясь с ветвей, сухие листья. Покатились, подскакивая, под копыта серые комочки каких-то растений. Взвились в воздух и растворились в вышине тысячи серебристых пушистых семян. Неповоротливые громады стиснули, затолкали, поглотили солнце и пошли в наступление, перекрашивая все небо в черный цвет. Внезапно кто-то невидимый сжал эти гигантские губки — и они пролились дождем.

Дождь хлестал по конским спинам, копыта разъезжались в грязи, вода стекала по лицам седоков. Грон, наклонив голову, досадливо проводил рукой по бровям, а Вальнур, улыбаясь, подставлял лицо под теплые струи. Два всадника продолжали двигаться вперед по дороге, петлявшей среди промокших холмов...

Они ехали долго — и светлели, светлели грузные днища туч. Тучи превращались в облака и уходили все выше от земли, однако не выпускали солнце из плена. Дождь еще не прошел, когда всадники добрались до одинокой черной скалы, вознесшейся над равниной.

— Та-ак, — протянул Грон, останавливая Тинтана. — Что будем делать?

Вальнур молчал, в раздумье морщил лоб, выбирая путь. Скала черным кинжалом рассекала дорогу, и дорога раздвоилась, обтекая препятствие. Левая ныряла в низину, исчезая в извилистом овраге, а правая делала поворот и скрывалась в желто-зеленом мелколесье.

— Что там у вас говорят в таких случаях? — осведомился Грон и покосился на юношу. — Или просто бросают монету?

Вальнур пожал плечами:

— Да нет, у нас монетами не бросаются. Я в таких случаях поступаю по-разному. Например, в пещере Поющих цветов развилки попадались чуть ли не на каждом шагу. Я запасся длинной веревкой, обвязался у входа, и перед каждой развилкой...

Юноша внезапно замолчал, словно что-то почувствовал. Грон уловил какое-то изменение в пасмурном небе и резко поднял голову. Белое мохнатое облако, оторвавшись от своих попутчиков, стремительно падало на дорогу. Оно увеличивалось на глазах, подобно снежным лавинам, низвергающимся с Проклятых гор. Грон только успел заметить, что Топотун взвился на дыбы, едва не выбросив юношу из седла, — и белая клубящаяся мгла обрушилась на развилку у черной скалы. Грон внезапно перестал ощущать собственное тело, словно оно полностью растворилось в непонятной белизне, и Тинтан тоже

растворился, и только донеслось откуда-то короткое встревоженное ржание. Белое, белое, слепое, неподвижное заполнило весь мир...

* * *

Он не знал, где был, и что с ним происходило, и какие неведомые силы, забавляясь, ввергли его в беспомощность... И существовал ли он вообще в этом холодном неподвижном облаке...

Наконец бледный свет проник под неплотно сомкнутые ресницы — и Грон открыл глаза. Неуверенно втянул прохладный воздух, пропитанный слабыми незнакомыми запахами, поднял руку, убирая со лба влажные волосы. Попробовал пошевелить ногами — и это ему удалось. Оказалось, что он по-прежнему сидит в седле на понурившем голову Гинтане, и все оружие при нем: и меч, и арбалет, и кинжалы. Беззвездное небо светилось бледным светом, в полумраке угадывались контуры разбросанных по равнине одиноких деревьев, и блестели в странном небесном сиянии пятна небольших озер в далекой низине. Перед ним все так же безмятежно расстилалась единственная дорога, и висел над равниной неумолчный монотонный свист каких-то живых существ, то ли зверьков, то ли птиц, то ли насекомых. Пустынно было вокруг, и не было

рядом зеленоглазого юноши на белом коне.

«Тихий тающий свет небес... неподвижно течет сквозь ночь... Что скрывает чужая ночь?... Что сулит струящийся свет?...»

Казалось, эти строки сами собой сложились в голове. Что-то шевельнулось в душе, пытаюсь приподняться, вырваться, расправить крылья, — и какое-то сладостно-горькое незнакомое чувство заставило Грона еще несколько мгновений неподвижно глядеть на бледное небо.

«Что со мной? — подумал он, с недоумением и растерянностью прислушиваясь к себе. — Откуда это взялось?... Это что, я сам придумал?...»

Грон еще раз вздохнул полной грудью и обернулся. Может быть, Вальнур там, за спиной? В следующее мгновение меч сам собой оказался в его руке, потому что в нескольких шагах от дороги он увидел нечто странное. На траве, чуть покосившись, стояло на четырех тонких опорах серебристое яйцо размером не меньше дракона. По его выпуклой поверхности тянулся ряд круглых окошек, казавшихся черными и глубокими, словно колодцы.

«А вот и яйцо железной птицы Ирры из рассказов Вальнура», — подумал Грон, медленно приближаясь и держа меч наготове.

Ничего подобного ему еще не доводилось встречать в многочисленных странствиях. Правда,

на похожих опорах стояли сплетенные из жестких стеблей ламеруны жилища болотных людей за Холодной грядой, но жилища, а не серебристые яйца. Может быть, это драконье яйцо — и вот-вот треснет скорлупа, и родится в ночи новое чудовище?

— У тебя нет плохого предчувствия, Тинтан? — шепнул он, наклонившись к уху скакуна.

Тинтан продолжал неторопливо переступать ногами, направляясь к диковинному яйцу, и Грон слегка разжал пальцы, сжимавшие поводья. Конь почувствовал бы опасность, а если он спокоен — значит, опасности нет.

Подъехав к яйцу, вольный боец осторожно ткнул острием меча в серебристый бок, потом приложил ладонь. Поверхность была гладкой, твердой и прохладной. Вынув кинжал, Грон с усилием провел лезвием по выпуклому боку яйца. Подался вперед, высматривая след от кинжала, — но никакого следа не обнаружил. Вольный боец попробовал толкнуть загадочное яйцо обеими руками, но оно даже не покачнулось, словно его опоры глубоко вросли в землю. Черные окошки шли на уровне лица Грона, и он заглянуть в них. И ничего не увидел.

— Двигаемся дальше, Тинтан, — сказал вольный боец, объехав вокруг яйца. — Будем

делать свое дело, а драконы пусть выводятся без нас. У нас своих забот хватает, верно?

И в это время в окошках вспыхнул свет, пятнами упав на траву.

— Подожди, дружище, — тихо сказал Грон. — Давай-ка посмотрим.

В следующий миг он едва удержался от изумленного возгласа. Оказалось, что внутри яйца находится какое-то помещение. У вогнутых стен стояли высокие голубоватые плиты с ровной однородной поверхностью. Возле плит прямо из белого пола вырастали причудливые кресла с узкими спинками. Вполоборота к затаившему дыханию Грону сидели пять или шесть человек в облегающей тело белой одежде. Люди смотрели на парящий над полом белый шар, в глубине которого двигалось что-то знакомое.

— Да пребудут со мной духи рассвета! — оторопело прошептал Грон, прильнув к окошку.

Он увидел двух маленьких всадников на дороге. Одного, в синем плаще, — на рыжем коне, второго, в порванном зеленом, — на белогривом. Всадники подъезжали к черной скале, о которую рассекалась дорога.

— Ведь это мы с Вальнуром! — воскликнул Грон и судорожно сглотнул застрявший в горле комок. — Что за колдовство?

Словно услышав его восклицание, человек,

сидевший в кресле ближе всех к Грону, повернул голову к окошку. Вольный боец успел разглядеть длинное безносое и безбровое лицо с высоким лбом, ощутил на себе пронзительный взгляд широко расставленных выпуклых темных глаз — и свет внезапно померк. Растворились фигурки всадников у скалы — и яйцо бесшумно взмыло в небо, обдав теплым ветром лицо Грона. И мгновенно растаяло в тусклом ночном свете.

Ошеломленный вольный боец перевел взгляд на траву, где остались вмятины от опор, вытер взмокший лоб и только и смог неуверенно произнести:

— Ну-у, Тинтан...

Нашарил в суме за спиной полную флягу и долго не отрывался от нее. А потом растерянно глядел в небо, поглотившее колдовское яйцо. Наконец спешился, побродил около вмятин, потрогал вдавленную в землю траву... И сел, обхватив руками колени и не обращая внимания на Тинтана, который уткнулся ему в плечо мягкими ноздрями.

Летел над равниной монотонный свист, застыло над землей сонное небо, и дорога по-прежнему была пуста, будто никто никогда не ходил и не ездил по ней...

Услышав предостерегающее ржание Тинтана, вольный боец сумел стряхнуть оцепенение и

вскочил на ноги. Всмотрелся в полумрак и поднял лежавший рядом меч. Кто-то шел по дороге, приближаясь к нему. Вальнур — или кто-то другой?

Темная фигура поравнялась с тем местом, откуда унеслось в небо летающее яйцо, и свернула на обочину. Если у незнакомца и было оружие, то оно скрывалось под длинным черным плащом, потому что в руках он ничего не держал. Грон молча рассматривал остановившегося напротив него путника. У путника было самое обыкновенное безбородое лицо. Темные волосы хотя и закрывали уши, но все-таки были довольно коротки.

Встретишь такого на суматошных многолюдных улочках Искалора — и пройдешь мимо, не обратив внимания.

«Вот только где же твой дорожный мешок, путник? — подумал Грон. — Или ты живешь в этих краях? А разве живет кто-нибудь в этих краях?...»

— Приветствую тебя, Гронгард, сын Гронгарда Странника, — негромко сказал путник и развел в стороны полы плаща. — Я безоружен.

— Откуда тебе известно мое имя? — насторожился Грон.

Незнакомец, не отвечая, опустил на траву у ног Грона. Пригладил волосы, сделал приглашающий жест:

— Садись, Гронгард, поговорим. Однако,

по-моему, здесь не очень жарко.

Он выставил перед собой ладонь, и изумленный Грон невольно отшатнулся, потому что в траве вдруг вспыхнул огонь. Весело затрещали сучья невесть откуда взявшегося костра, и совершенно обескураженный вольный боец увидел, что незнакомец удовлетворенно улыбается.

— Так-то уютней. Садись, Гронгард.

Грон отступил было на шаг, но справился с собой и хрипловато спросил:

— Колдун?

— В некотором роде, — неопределенно ответил путник, задумчиво глядя на огонь. — Ты бы все-таки сел. Спешить пока некуда, озерные метатели будут здесь нескоро. Они с трудом нашли переправу и им еще придется разделиться на два отряда у черной скалы.

— Тебе и это известно? — Грон с изумлением и опаской смотрел на неподвижно сидящего путника. — Может быть, ты знаешь и о том, где сейчас Вальнур Рай с Зеленого побережья?

— Вальнур Рай где-то там, — незнакомец повел рукой в сторону равнины. — Цел и невредим. А ясноглазая Оль действительно только издевается над ним. И заботится о своей выгоде. Она не любит никого, и полюбит, возможно, нескоро.

Грон не хотел верить своим ушам! Все это просто не укладывалось в голове... Сначала это

холодное облако, потом серебристое летающее яйцо — и вот, пожалуйста, появляется некий загадочный путник, ведающий все! Откуда он ведает?...

— Нет, я не подослан озерными метателями, — произнес незнакомец, словно догадавшись о подозрениях Грона. — Будем действительно называть меня просто Колдуном.

— А как твое настоящее имя? Как ты здесь оказался?

— Имена колдунов знать совсем не обязательно. А шел я именно к тебе, Гронгард, сын Гронгарда Странника.

Вольный боец устал удивляться. В конце концов, подумал он, обыкновенному смертному невозможно, наверное, понять и объяснить колдунов. И хоть и слышал он о чародеях, предсказывающих будущее и лечащих, не прикасаясь к больному, заклинаниями вызывающих дождь и разгоняющих облака, — ни разу в долгих странствиях не доводилось ему встречаться с ними. Много слухов ходило по Искалору, стекались туда разные люди от Сонного моря до ущелья Пожирателей звезд — и где была правда, где вымысел?... Расскажи ему кто-нибудь о летающих яйцах, безносых людях и движущихся картинках — разве он бы поверил?

Безносые люди...

Грон сел в отдалении от ночного незнакомца, положил рядом тяжелый меч.

— Колдун, ты знаешь, что я сейчас видел здесь?

Колдун странно взглянул на вольного бойца:

— Знаю. Мне ли не знать... Я и встретился с тобой для того, чтобы рассказать тебе об этом. — Колдун усмехнулся, добавил непонятно: — Где же мне еще изложить свое предположение, как не здесь? Ты готов меня выслушать?

— Я уже слушаю тебя, Колдун.

— Итак, серебристое летающее яйцо, движущиеся картинки, странные существа, не совсем похожие на людей.

Грону внезапно стало холодно, словно и не полыхал рядом костер, расталкивая полумрак.

— Это не люди? — тихо спросил он. — Они прилетели из-за моря? Или... с неба?

— Сейчас ты все узнаешь, Гронгард. Слушай. Представь себе неизвестную страну далеко-далеко за Сонным морем или Зеленым побережьем Вальнура Рая. Большой неизвестный мир. С давних времен люди этого мира иногда наблюдали странные явления. Сохранились записи и легенды об огненных кругах и колесницах, пролетавших по небу, огненных лодках и огромных воздушных серебряных кораблях. Потом, гораздо позже, один человек увидел в горах цепочку каких-то

предметов, похожих на тарелки. Они летели, лавируя между горными вершинами. И с тех пор началось... Такие летающие тарелки стали видеть очень многие. Кое-кто предположил, как и ты сейчас, что они прилетели со звезд, и там, в этих летательных аппаратах, находятся существа, живущие у других звезд. Многие утверждали, что видели предметы не только в форме тарелок, но и диски, шары, цилиндры, светящиеся яйца. О летающих тарелках заговорили все, они буквально перестали давать людям спокойно жить. И так продолжалось очень долго...

Вольный боец слушал внимательно, боясь пропустить хоть слово.

— И наконец наступил новый этап этой истории, — продолжал Колдун. — Отдельные люди стали заявлять, что собственными глазами видели пришельцев со звезд, общались с ними и даже совершали на этих летательных аппаратах путешествия в те, другие миры, откуда прибыли пришельцы...

— Так значит, это серебристое яйцо... — пробормотал Грон, пораженный удивительным рассказом Колдуна.

— Выслушай до конца, — остановил его Колдун, подняв руку. — В мире много загадочного и необъясненного. Ты даже не можешь себе представить, Гронгард... Хотя многие появления

этих летающих тарелок вполне объяснимы. Но есть и множество непонятного. Правда, совсем не обязательно связывать это непонятное со звездными пришельцами. Не всегда стоит умножать количество сущностей. Тут важно другое, Гронгард. Многие люди того мира искренне *поверили* в то, что летающие тарелки — это корабли существ, прилетевших от других звезд. Понимаешь? По-ве-ри-ли. Что значит поверить в несуществующее? Это значит, представить его, отразить в своем сознании, в своей голове. Вот мы и дошли до сути, до самого главного, Гронгард. Оказывается, наше сознание не только способно представить нечто, не существующее нигде, ни в каких вселенных, но и *сотворить* его. Дать ему бытие, реальную жизнь... Понимаешь?

После долгого молчания вольный боец медленно сказал:

— Ты говоришь о странных вещах... Выходит, искренняя вера человека, только вера и ничего более, может породить то, чего никогда не было на свете?

Колдун кивнул:

— Именно так. В самое яблочко.

— Но я никогда не верил ни в какие летающие яйца! Никогда не думал о них. Другое дело — Асканта, в ней я не сомневаюсь, но не слыхивал, что она явилась с небес в летающем яйце...

— Неважно. Дело не в твоей личной вере, Гронгард. Далеко не все люди того мира верили в реальность летающих тарелок. Главное — верили *многие*. Не знаю, какое количество верующих необходимо для достижения критической точки, — сто тысяч, миллион, миллиард? — но когда дело доходит до нее, совокупная энергия веры, назовем это так, дает бытие несуществующему, приводит в действие какое-то неведомый спусковой механизм — и возникают пришельцы со звезд. На самом деле, *ре-аль-но*, — возникают пришельцы со звезд. И возможно, по нашим улицам еще совсем недавно действительно ходил вновь воплотившийся царь Иудейский... А потом ушел в другие миры.

— Какой царь?

— Это я так, к слову. — Колдун грустно усмехнулся. — Его уже нет в том мире. А вот пришельцы есть.

Грон долго молчал, глядя прищуренными глазами на танцующее пламя. Потом с запинкой произнес, еще раз пытаясь до конца уяснить слова Колдуна:

— Значит... люди, поверив в тех, кто пришел со звезд... сами сотворили их, и они действительно появились...

— Да, они стали реальностью, и совсем неважно, что лично ты, Гронгард, сын Гронгарда Странника, не веришь в них. Или я, или, скажем,

Вальнур Рай. Ты хорошо рассмотрел летающее яйцо? Дотрагивался до него?

Грон молча кивнул, сосредоточенно хмурия брови.

— Оно ведь не было подобно отражению в воде, оно действительно существовало?

— Летающее яйцо было такой же явью, как мой меч, — со вздохом подтвердил Грон.

— Ну, вот, — удовлетворенно сказал Колдун. — Что и требовалось доказать. Все продемонстрировано очень наглядно. Высокая концентрация энергии веры породила летающее яйцо, и те, кого ты видел внутри, действительно пришельцы со звезд.

— Наваждение... — подавленно пробормотал Грон. — Куда они улетели?

— Не знаю. Хотя мог бы... — Колдун опять замолчал, раздумывая о чем-то.

— А зачем они прилетели сюда? И что это за мир, о котором ты говорил?

Колдун с непонятым любопытством посмотрел на него:

— Вот ты, оказывается, какой, Гронгард, сын Гронгарда Странника. Стремишься получить ответы на все вопросы?

Грон поднял голову, холодно процедил:

— Я не любопытная искалорская торговка. Не хочешь — не отвечай.

Колдун усмехнулся:

— Я мог бы сказать, откуда взялось *это* яйцо. Но если говорить в общем, обо всех пришельцах... Видишь ли, их поступки не зависят от нас. Мы их породили, но влиять на них не можем. Они реальны, как твой меч... Как... призраки!

Колдун внезапно резко поднялся, принялся ходить вокруг костра, задумчиво потирая выбритый подбородок. Грон тоже встал и настороженно следил за ним.

— Призраки ведь тоже реальность, Гронгард! Такое же порождение нашего сознания, нашей веры, как и звездные пришельцы. Призраки, оборотни, домовые, вампиры, ламии — пожирательницы путников... Представляешь такую змею с женской головой и грудью? Ты видел когда-нибудь привидение, Гронгард?

— Нет, не доводилось.

— Но веришь в них?

— Как тебе сказать, Колдун... Говорят, накануне поры холодных ветров по развалинам старой крепости в Серой долине бродит призрак Стирга Детоубийцы с окровавленным лицом. Бродит и стонет. — Грон с сомнением взглянул на Колдуна. — Я бывал накануне поры холодных ветров в старой крепости, но никого не видел. Есть еще Одноглазая Старуха у Двугорбого перевала,

кое-кто мне о ней рассказывал. Появляется, грозит пальцем. Сам я в тех краях не был. Много разных слухов ходит...

Колдун остановился перед вольным бойцом, поднял голову, вглядываясь в лицо Грона.

— Это не просто слухи, Гронгард. Повторяю, призраки реальны, хотя и бесплотны, они рождены энергией веры. Могу доказать вполне наглядно.

— Кто ты, Колдун? — тихо спросил Грон. — Откуда ты? Уж не из того ли мира? Почему о нем не знают у нас в Искалоре?

— Призраки реальны, — задумчиво повторил Колдун, оставив без внимания вопросы вольного бойца. — А вообще, мне пора. Свою точку зрения я изложил, и, стало быть, этот пункт плана выполнил. Будем продолжать...

Грон с закипающим раздражением, стиснув зубы, слушал непонятные слова Колдуна.

— А если я заставлю тебя ответить? — глухо и угрожающе сказал он, шагнув к Колдуну.

— Что?

Отрешенно-задумчивый взгляд Колдуна стал изумленным. Он прикоснулся к руке Грона, покачал головой:

— Не надо. Ты ведь не сторонник применения силы, когда того не требуют обстоятельства. Я не прощаюсь. Отдыхай — возможно, скоро тебе предстоит встреча с озерными метателями.

Колдун неторопливо повернулся спиной к Грону и направился к дороге. Поднял руку и, обернувшись, спокойно произнес:

— Распрягай Тинтана и ложись спать. Можешь мне поверить — сейчас тебя никто не потревожит.

И пропал, словно растворился в полумраке.

Грон с силой провел пальцами по глазам и тяжело опустился на траву, ощутив нечто похожее на головокружение. Посидел, глядя на огонь, тряхнул головой и приказал себе ни о чем не думать. Распряг коня, осушил до дна флягу с цветочным вином, растянулся на траве у костра и сразу провалился в черноту.

Чернота оказалась плащом Колдуна, глядевшего с черного неба. Плащ распростерся до горизонта, и в вышине кружились серебристые точки, и плавно скользили от звезды к звезде...

4

Он бесконечно долго брел в темноте, то и дело натываясь на гладкие мраморные стены. Поворачивал из стороны в сторону и даже, кажется, не раз шел назад, блуждая по беззвучному подземному лабиринту. Тупики, повороты, тупики... И вдруг — робкий свет впереди. Он бросился к далекому светлому квадрату, скользя

подошвами сапог по мраморному полу, отталкиваясь от стен, заставляя двигаться не желавшие слушаться ноги. Дополз и встал, и простер руки к женщине, возникшей в светлом проеме. Женщина держала овальное блюдо, а на блюде стояла глубокая чаша, покрытая непонятными знаками.

«Асканта...» — шепнул он непокорными губами.

Женщина подняла голову, отхлынули от лица длинные волосы — и он увидел, что это Инейя, ничуть не изменившаяся с тех давних пор, когда он знал ее. Он замер, не смея подойти к той, чье тело предали огню в страшные времена Черной Беды, истреблявшей и старых, и молодых. К той, чей взгляд был для него когда-то — как вино, чей голос — как пение рассветной птицы, чье прикосновение — как звездный свет... Давно уже притупилась боль, давно смирилось сердце, но память осталась.

«На песок набегают волна... Отступает... Но вслед ей — другая... Так и память о ней, несравненной... словно волны... Волна за волной...»

Что это, что?... Кто творит эти слова, почему они всплывают словно ниоткуда, подчиняясь неведомой силе?

Вновь, как когда-то, горько-сладостно защемило в груди. Он вздохнул и рванулся к Инейе. Блюдо исчезло из рук девушки с печальными

глазами, и чаша со стуком разбилась о мраморный пол...

Грон резко повернулся, сел. Долго смотрел на выпавший из-за пояса кинжал, не в силах освободиться от сна, прошептал: «Инейя...» — и наконец полностью обрел чувство реальности. Он быстро осмотрелся и, уже почти не удивляясь, понял, что вновь проснулся в другом месте.

Стены небольшой комнаты с высоким сводчатым потолком были снизу доверху завешаны темными гобеленами. От угла до угла, от пола до потолка чередовались на плотной ткани коричневые, серые, черные, темно-зеленые, фиолетовые растения, трехрогие косматые длиннохвостые звери-мертвоглазы из древних сказаний, мечи и боевые топоры, сгорбленные фигуры Изгнанных, оскаленные пасти пожирателей звезд, небесные символы, непонятные знаки общины Молчащих, змеевидные рыбы, переплетенные ленты, подобные тем, что бросают в огонь, провожая умерших. Пол был под стать гобеленам: темные, почти черные доски, плотно пригнанные одна к другой, казалось, поглощали тусклый свет. А свет неуверенно пробирался в комнату сквозь небольшое оконце, углубленное в толщу стены и закрытое изнутри и снаружи массивными решетками. Под окном вдоль стены тянулась широкая деревянная скамья, перед ней

стоял круглый стол, покрытый лиловой скатертью с длинной, свисающей до пола бахромой. Высокий кувшин, хлеб и поднос, уставленный глубокими мисками с едой, показывали, что кто-то позаботился о вольном бойце.

Грон встал с кровати, натянул сапоги, взял плащ, аккуратно уложенный на спинке у изголовья, и накинул на плечи. Кровать была низкой и широкой, лиловое покрывало с узорами не нарушало общий тон угрюмой комнаты. Грон поднял с пола кинжал, привесил его к поясу и поискал глазами другое свое оружие. Вложенный в ножны меч лежал на полу у кровати, а вот ни арбалета, ни стрел вольный боец не обнаружил.

В мрачной комнате было так тихо, словно она находилась на дне глубокого колодца, из которого, как ни старайся, — не увидишь солнца. Казалось, воздух сгустился, и тени в углах обрели плотность, превратились в слитки темноты, пока еще неподвижные, но готовые вот-вот растаять, растечься во все стороны вязкой чернотой и залить комнату, подняться под самые своды... Что-то назревало, набухало, готовое прорваться, хлынуть кошмаром...

Он, сам не зная почему, старался ступать по темным доскам неслышно, направляясь к двери, закрытой на внушительных размеров засов. Стоит протянуть руку — и можно будет отодвинуть засов